

4. Близниченко С.С. Боевая летопись Военно-Морского Флота Советского Союза: потери в результате репрессий 1930-х годов. Изд-во ГОУ ВПО «КубГТУ», 2010. С. 133.
5. Они не молчали / А.В. Афанасьев. М.: Политиздат, 1991. С. 227.
6. Указ соч. С. 228.
7. Указ соч. С. 228.
8. Указ соч. С.229.
9. Указ соч. С. 229.
10. Указ соч. С. 229.
11. Указ соч. С. 230.
12. Указ соч. С. 230.
13. Указ соч.С. 231.
14. Военно-политическое обозрение 2014. 04. 01.
15. АВКВС РФ. Оп. 55. Д. 24642. Л. 1–3, 9.

9(571.5(092)Занданов

Л.В. Занданова

**Организация политических процессов и репрессии 1937–1938 гг.
в Восточной Сибири
(по материалам следственного дела Н.И. Занданова)**

В статье на достоверной источниковой базе показана судьба одного из тысяч трагически погибших в годы политических репрессий 1930-х гг. сыновей бурятского народа – Никиты Ивановича Занданова.

Основным источником для написания статьи стало следственное дело Н.И. Занданова, хранящееся в архиве ФСБ. Также привлечены другие разноплановые источники, что позволило воссоздать картину фальсификации политических процессов в Восточной Сибири в 1937–1938 гг. и показать обстоятельства смерти Н.И. Занданова, обвинённого в троцкизме, шпионаже и панмонголизме.

Ключевые слова: Никита Иванович Занданов, история бурятского народа, политические репрессии 1937–1938 гг. в СССР, троцкизм, панмонголизм, следственное дело, исторический источник, Восточная Сибирь, Иркутская область, Бурят-Монгольская АССР.

The organization of political processes and repression in 1937–1938 years in Eastern Siberia (according investigation file of N.I. Zandanov)

The article, based on reliable sources, shows the fate of Nikita Ivanovich Zandanov – son of the Buryat people – one of the thousands of people, who tragically died during the political repression in 1930s.

Main source for the article is his investigation file, stored in the archive of FSB. It is also involved many other diverse sources, which allowed recreating a picture of falsifying political processes in Eastern Siberia in 1937–1938 years. The article shows the circumstances of death of N.I. Zandanov. He was accused of Trotskyism, Panmongolism and espionage.

Keywords: Nikita Ivanovich Zandanov , history of the Buryat people, political repression in 1937–1938 years in USSR, Trotskyism, Panmongolism, investigation file, historical source, Eastern Siberia, Irkutsk region, Buryat-Mongol ASSR.

В нашей семье в маленьком портфеле, принадлежавшем учителю истории Владимиру Ивановичу Занданову, хранятся свидетельства трагедии его семьи, которую пытались стереть с лица земли в конце 1930-х годов. Ему, восемнадцатилетнему юноше, чудом удалось избежать участи своих родных: отца, брата, двоюродных братьев, дядей. Всего в этом скорбном списке – 11 человек. Честные имена невинно репрессированным в 1937–1938 гг. членам семьи В.И. Занданов смог восстановить только в период массовой реабилитации жертв политических репрессий в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Именно в это время были обнаружены места захоронений в районе посёлка Пивовариха под Иркутском, что дало основание считать, что в этих рвах могут находиться и тела его родственников. Владимир Иванович получил на руки документы о реабилитации и установил скромную памятную дощечку на мемориальном комплексе. В этом списке и самые его близкие родственники: отец, Иван Алексеевич, и брат Никита. Вся жизнь Владимира Занданова, фронтовика, ветерана труда, была наполнена скорбной памятью об этой трагедии, желанием передать эту память другим людям.

Цель данной статьи – собрать воедино разрозненные сведения о дорогом нам человеке, боль от утраты которого не утихает до сих пор; попытаться понять суть происходившего в нашей стране в тот период; показать глубину трагедии всего народа, в целом, и отдельной семьи, в частности. Однако в первую очередь хочется показать нашим современникам и потомкам, какие яркие люди сгорели в костре фальсифицированных заговоров, сохранить память о талантливом человеке, на долю которого выпал столь жестокий удар судьбы.

О Никите Ивановиче Занданове сегодня можно найти с десяток упоминаний в различной литературе [1, 2, 5, 7, 8, 9, 10, 11]. В одном случае речь идет об организаторе комсомольской работы в Кяхте, в другом – о втором директоре Бурятского педагогического института, выпускнике курсов подготовки кадров при Институте красной профессуры, в третьем – о «бурятском Пушкине», председателе бурятского отделения Союза писателей СССР, о политработнике Забайкальского военного округа. Кажется, что это написано о разных людях, но на самом деле – это об одном и том же человеке, которому на момент ареста было всего 33 года! И даже в книге памяти «Жертвы политических репрессий» сведения о нём очень скупы, так что трудно составить полный портрет этого очень известного в 30-е годы, но совершенно забытого в более поздний период сына бурятского народа.

В период реабилитации родственников и признания его самого жертвой политических репрессий Владимир Иванович смог ознакомиться со следственными делами отца и родного брата.

К нашему великому сожалению, советская эпоха породила новый вид исторических источников – это следственные дела и другие документы следственных органов. Поскольку длительный период времени они хранились в архивах ОГПУ-НКВД-КГБ под грифом «секретно» и были недоступны даже для близких родственников, а не только для исследователей, то опыт и методика работы с этими документами у нас сформированы не были. Также вызывает сожаление и то, что полученное дело было откопировано частично, мы не можем прочитать выписки из протоколов допроса других людей, проходивших по одному делу с Н.И. Зандановым, якобы свидетелей, находивши-

еся на страницах 47–104. Следственное дело Н.И. Занданова заведено 23 апреля 1937 г., а закончено в связи с пересмотром дела и реабилитацией в 1957 году. В деле имеется три протокола допросов и другие документы, проливающие свет на то, как велось следствие по его делу, оконченному 15 апреля 1937 г.

Практически все протоколы допросов содержали вопросы о его связях вначале с троцкистами, а затем с М.Н. Ербановым и другими руководителями республики, обвиняемыми в панмонголистском заговоре. Несомненно, что из Никиты Ивановича выбивали показания на этих людей, поэтому он был нужен следствию живым. Человек, находящийся в камере Иркутской тюрьмы на протяжении столь длительного срока, должен был быть сломлен, поэтому его допрашивали, требуя клеветать на себя, своих родственников, друзей, просто знакомых...

Как видно из следственного дела, стоящая под протоколами допроса подпись с каждым разом становилась все менее и менее похожа на ту, которую он собственноручно поставил под Постановлением об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения, на первой странице дела № 5468.

Мне, как историку, важно было понять смысл столь длительного, по тем временам, тюремного заключения Никиты Ивановича, поскольку практически все арестованные в одно время с ним его родственники, проживавшие в Иркутской области, в том числе и его отец, были расстреляны в конце 1937 г. (за исключением дяди, Георгия Петровича, преподавателя истории Бурятского пединститута). Обращение к событиям того времени позволило выстроить своеобразную схему тех, приближающихся к печальному «юбилею», событий.

В марте 1937 г. в СССР был дан старт «Большому террору» – массовой репрессивной акции 1937–1938 гг. против различных социальных и национальных групп населения. Большинство исследователей связывают переход к «Большому террору» с социально-политической «чисткой» в стране в 1930-е гг., направленной на устранение оппозиции большевистской власти, оказавшей глубокое негативное влияние на развитие советского общества. Формальным началом кампании стал февральско-мартовский Пленум ЦК ВКП(б), на котором И. Сталин призвал к «ликвидации в стране троцкистских и иных двурушников», т. е. скрытых врагов партии. Одним из

важнейших направлений «чистки» партийных рядов явилось исключение из ее рядов явных или скрытых противников политики сталинского руководства, исключение «врагов народа» из каждого социального слоя и национальной группы. После этого пленума начались аресты в Бурят-Монгольской кавалерийской бригаде, где одним из первых 30 апреля 1937 г. были арестованы Н.И. Занданов и его жена – Елизавета Викентьевна Занданова (урождённая Бусик) [1, с. 84, 104, 123].

В проведении «Большого террора» выделяется два этапа. Первый этап – февраль – июнь 1937 г., в ходе которого была проведена большая идеологическая и морально-психологическая подготовка к репрессиям, проводилась «чистка» партийных рядов, партийных и хозяйственных органов от «чуждых элементов». Органы НКВД приступили к выявлению и арестам «оппозиционного подполья». С этой целью в БМ АССР был «вскрыт заговор» руководителей строительства Улан-Удэнского паровозостроительного завода, к которому якобы также были причастны руководители Бурнацкавбригады.

Второй период «Большого террора» – июль – август 1937 г. – связан с переходом НКВД к более широкомасштабным репрессиям, распространившимся на новые категории населения. Отправной точкой принято считать постановление Политбюро ВКП(б) от 2 июля 1937 г. «Об антисоветских элементах», в котором ставилась задача в кратчайшие сроки с помощью внесудебных органов – «троек» очистить страну от «контрреволюционных, кулацких и уголовных элементов». На основании этого постановления был подготовлен приказ НКВД СССР № 00447 о ликвидации указанных ранее «врагов народа», выполнение которого стало крупнейшей карательной акцией этого периода. Для каждой области, края и республики были определены масштабы («лимиты») и категории репрессируемых. Так, в Восточно-Сибирском крае, в состав которого входила территория современной Иркутской области, нужно было подвергнуть репрессиям по первой категории – 1 тыс. чел., по второй – 4 тыс. чел., по третьей категории – 5 тыс. Репрессиям подвергались также члены семей арестованных. По запросам руководства обкомов (крайкомов) «лимиты» неоднократно увеличивались [4, с. 635–664].

Сотрудниками аппарата было сфабриковано несколько крупных дел, среди которых:

1. О правотроцкистской контрреволюционной организации, возникшей в 1927 г., которой инкриминировались проведение шпионажа, подготовка бактериологической диверсии, террористическая деятельность и создание правотроцкистских групп и которая «была разгромлена» в 1937–1938 гг.

2. Заговор военных, по которому, начиная с мая 1937 г., начались массовые аресты военных, в т. ч. и служивших в национальных частях. В этот период репрессиям подверглись не только рядовые, но и практически весь командующий состав Бурятской национальной кавалеристской бригады, а также командование Забайкальского военного округа.

3. О панмонгольской диверсионно-шпионской организации, возникшей в 1918–1919 гг., которой инкриминировалось образование панмонгольского государства, включающего Бурят-Монгольскую АССР и Монгольскую Народную Республику, под протекторатом Японии, свержение Советской власти в СССР и шпионаж в пользу японской контрразведки, которую якобы удалось ликвидировать в 1937–1938 гг.

Очевидно, что наибольшую роль арестованному Никите Ивановичу Занданову отводили в связи с тем, что в течение весны-лета в Москве уже готовили так называемый «Панмонголистский заговор», а осенью начались аресты руководителей Бурят-Монгольской АССР, после чего характер обвинений в отношении Н. Занданова резко изменился. Ему стали инкриминировать руководство троцкистской организацией в Кяхте в 1920-е гг. и панмонгольской организацией в Бурятской кавалеристской бригаде.

23 сентября 1937 г. были исключены из партии как враги народа, контрреволюционеры- националисты, а затем арестованы главные участники «заговора»: М.Н. Ербанов – первый секретарь ОК ВКП(б), Д.Д. Доржиев – председатель СНК Бурят-Монголии, А.А. Маркизов – второй секретарь ОК ВКП(б), И.Д. Дампилон – председатель ЦИК БМ АССР и другие. Все они упоминаются в следственном деле Н.И. Занданова.

Поражает тот факт, что уже 26 сентября последовала реакция на «панмонголистский заговор» и гипотетическую возможность вхождения Забайкалья в некое государство под про-

тектором Японии: Президиумом Верховного Совета СССР был подписан Указ, по которому из состава БМ АССР были выделены Агинский Бурят-Монгольский национальный округ, переданный в состав Читинской области, и Усть-Ордынский Бурят-Монгольский национальный округ, вошедший в состав Иркутской области [6, т. 1, с. 21; т. 3, с. 383].

Для создания впечатления о широких масштабах «панмонголистского заговора» осенью прошла волна новых арестов среди бурятского народа. 16 ноября 1937 г. был арестован 64-летний отец Никиты Ивановича, Иван Алексеевич, колхозный свинарь. В.И. Занданов написал об этом в своих воспоминаниях: «За ним последовал его родной брат Максим, главный инженер по сельхозмашинам Укырской МТС. На два дня раньше, 14 ноября, арестовали дядю Семёна, учителя начальной школы. Все трое обвинялись, якобы, за участие в контрреволюционной организации» [3]. В этом же месяце список родственников, оказавшихся в застенках НКВД, дополнили Иннокентий Антропович, Нестор Петрович, Тарас Петрович Зандановы. Все они были осуждены и расстреляны по 58 статье Уголовного кодекса РСФСР в период с 7 по 14 декабря 1937 г. Тогда же был вынесен приговор Е.В. Зандановой, которая получила 10 лет исправительно-трудовых лагерей, отбывала срок в Усольяге Пермской области [15].

Изучая «Следственное дело № 5468 по обвинению Занданова Никиты Ивановича», мы обратили внимание на титульный лист. Сверху надпись: «Хранить вечно». Далее указано ведомство: «Народный Комиссариат Внутренних Дел. Центральный архив ВЧК-ОГПУ-НКВД», что свидетельствует о политической направленности обвинений и самом высоком уровне их рассмотрения. Год производства – 1937, т. е. начальный этап «Большого террора» в стране. К сожалению, мы не можем узнать, по какому принципу шла нумерация дел, но даже простой взгляд на четырёхзначные цифры свидетельствует о многом...

На втором листе без номера – фотография арестованного в фас и профиль, номер – 1411 (с начала года?, месяца?). Надпись: «Занданов Н.И.» (безграмотность? халатное отношение?). На фотографии – достаточно молодой мужчина азиатской внешности в военной шинели.

На странице под номером один, как уже было сказано ранее, – Постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения, в котором указано, что оно предъявлено в г. Улан-Удэ 23 апреля 1937 г. помощником начальника 4-го отделения Управления НКВД по БМАССР – лейтенант госбезопасности (фамилия неразборчиво). Далее указано: «Рассмотрев следственный материал по делу № и приняв во внимание, что Занданов Никита Иванович, 34 лет, бурят, уроженец улуса Бохан, Боханского аймака, гр-н СССР, служащий, б/парт., женат, ранее не судившийся, служил в Буркавбригаде зам. нач.п/о (политотдела. – Л. З.) достаточно изобличается в том, что будучи враждебно настроен к Советской власти в течение ряда лет вел активную панмонголистскую и троцкистскую работу, направленную против Советской власти и состоял в контрреволюционной организации, постановил: Занданова Н.И. привлечь в качестве обвиняемого по ст.ст. 58-1а,2,8, 58-11 УК, мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание в Улан-Удэнской тюрьме по первой категории».

Текст напечатан на пишущей машинке, внизу – подписи помощника начальника и начальника 4-го отделения. Поперёк листа надпись от руки: «Арест Занданова Н.И. утверждаю, через Улан-Уд. тюрьму этапирован в Ирк. тюрьму. 29.IV.37. Прокурор БМ АССР». Подпись неразборчива.

Внизу страницы текст: «Настоящее постановление мне объявлено 6 мая 1937 г.». Подпись обвиняемого перьевой ручкой – «НЗанданов» написана достаточно твёрдым почерком.

Как видим, в следственном деле в графе «партийность» запись – «беспартийный». Зная о том, что Н.И. Занданов являлся членом ВКП(б) с 1926 г., В.И. Занданов предпринял действия по разъяснению данной ситуации. В феврале 1991 г. он получил из архива Бурятского областного комитета КПСС копию выписки из протокола областной партийной комиссии Забайкальского военного округа от 26 апреля 1937 г., из которой следовало, что 4 апреля того же года Н.И. Занданов партийной комиссией Бурятской кавалерийской бригады исключен из ВКП(б) «за распространение контрреволюционной литературы, за сокрытие от партии контрреволюционного настроения людей позже помимо его разоблачённых оказавшихся троцки-

стами, как имеющий связь по настоящее время с троцкистами и классово-враждебными элементами, сейчас арестованными органами НКВД» (так в документе. – Л. З.).

Далее в выписке записано: «Дополнительно установлено, что Занданов уклонялся от присутствия на собрании областного, городского партактива по процессу троцкистско-зиновьевских банд, в своём инструктивном докладе по поводу 19-ой годовщины РККА по существу популяризировал Троцкого. Занданов присутствует. Вёл себя неискренно. Докладывает секретарь парторганизации Буркавбригады Н.К. Андреев».

Заканчивается выписка из протокола постановлением заседания окружной партийной комиссии, которым она подтверждает постановление партийного комитета Буркавбригады об исключении из рядов ВКП(б) Занданова Н.И. за популяризацию Троцкого и распространение контрреволюционной троцкистской литературы «как не только не боровшегося с троцкизмом и классовыми врагами, а наоборот, покрывавшего и тесно связанного с ним». Этот документ с пометкой «Рукописная копия, сделанная В.И. Зандановым», с примечанием: «Мною снята копия выписки из протокола ОПК, хранящаяся в Архиве Бур. обл. ком. КПСС. 23. II.91 г. г. Улан-Удэ хранится сейчас в архиве автора. Там же указано, что партбилет образца 1936 г. у Н.И. Занданова отобран, хранится в Буркавбригаде.

Мы привели практически полностью текст этого документа с тем, чтобы показать, с чего начинались обвинения против Никиты Ивановича и как изменился их характер впоследствии, к моменту окончательного приговора.

Изучая следственное дело, мы обратили внимание на то, что на второй странице в Постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, сделанном 28 апреля в г. Иркутске, добавлено, что он является «выходцем из вражеской семьи, крестьянин, по национальности бурят, исключен из ВКП(б), изобличается как участник к/р (контрреволюционной. – Л. З.) шпионской пан-монгольской организации. На основании вышеизложенного, руководствуясь ст.ст. 144 и 128 УПК (Уголовно-процессуального кодекса) РСФСР, постановил: гр-на Занданова Н.И. привлечь в качестве обвиняемого по ст.58-1 «а» УК РСФСР, мерой пресечения способов уклонения от суда и следствия избрать содержание под стражей в Иркутской тюрьме по 1

категории, согласовав предварительно со старшим помощником Военного прокурора ЗВО – юристом 1 ранга (фамилия)». Имеются подписи сотрудников госбезопасности, согласовывавшие и утверждавшие данное постановление, а также штамп с надписью «Арест санкционирую. Старший помощник прокурора Забайкальского военного округа. 29 апреля 1937 г. г. Иркутск».

Столь полное изложение текстов документов, находящихся в деле, даёт возможность понять, с какой серьёзностью относились к организации процессов представители карательных органов, не оставляя шансов обвиняемому на свою защиту. На каждом листе – печать органов госбезопасности и ограничения в доступе к документам: «Совершенно секретно». Это означает, что с данными делами мог работать не просто ограниченный круг людей, а только те, кто имел особые полномочия.

На странице 3 помещена справка, датированная 28 апреля того же года, из которой следует, что «Из имеющихся следственных и негласных (выделено мною. – Л. 3.) материалов в распоряжении II отдела УГБ УНКВД ВСО, установлено, что Занданов Никита Иванович, урож. Боханского района, Гатальского сельсовета, улус Заглик БМР, из крестьян, выходец из враждебной семьи /три брата в прошлом активные белогвардейцы – эсеры, сейчас троцкисты, один расстрелян красными партизанами/. (Очевидно, речь шла о Савве Занданове, однофамильце, который упоминается в отдельных публикациях на основании непроверенных источников как активный участник панмонгольского движения в период Гражданской войны. – Л. 3.).

Занданов Никита Иванович, со своими братьями до 1927 г. имел непосредственную письменную связь с Троцким. Занданов Н.И. до последнего времени состоял на службе в РККА. В данное время из рядов ВКП-б исключён и из РККА уволен с должности зам. начальника политотдела Бур. кав. дивизии.

Изобличается как участник к/р шпионской пан-монгольской организации.

На основании изложенного считаю: Занданова Н.И. подвергнуть аресту с предварительной санкцией военного прокурора. Подписи сотрудников органов госбезопасности».

Далее, на пятой странице, – ордер на обыск от 30 апреля 1937 г. и протокол обыска квартиры задержанных Занданова Никиты и Зандановой Елизаветы по адресу: станция Дивизионная (Забайкальской железной дороги. – *Л. З.*), корпус № 10, где в присутствии понятых изъяты ценные вещи и документы, среди которых паспорта, служебные удостоверения, билет кандидата в члены Союза писателей СССР, мандат участника съезда писателей, шесть папок рукописных текстов, фотографии, переписка, книги Бухарина, Гёте, Солбонэ-Туя.

Следующая страница – анкета арестованного, в которой записана дата рождения – апрель 1904 г., из чего следует, что на момент ареста ему было 33, а не 34 года. Новыми сведениями для нас являются те, что «профессии и специальности не имеет», «паспорт..., выданный в 1935 г..., изъят Бурят-Монгольским управлением НКВД. Социальное положение – служащий: до революции – сын крестьянина скотовода-бедняка, после революции – служащий. Образование: окончил в 1932 г. в Москве институт подготовки кадров ИКП (Института красной профессуры. – *Л. З.*), затем учился несколько месяцев в 1932–33 гг. в Институте философии ИКП, оставил по мобилизации ЦК ВКП(б)». Анкета не имеет личной подписи.

Первый протокол допроса на странице седьмой содержит те же формальные сведения, что и раньше, однако в нём впервые указан состав семьи: «Женат – жена Занданова Елизавета Викентьевна, 1903 г., ныне содержится под стражей», отсутствие наград, а также сведения о службе в Красной Армии: «В Кр. армии с X.1926 по май 1927 г. в качестве курсанта Буркавшколы. Демобилизовался по болезни. В мае мес. 1936 г. снова был мобилизован и служил до IV.1937 г. зам. н-ка политотдела Буркавбригады. В белой армии не служил. Участие в бандах и к.р. организациях и восстаниях не принимал». Указаны следующие сведения об общественно-политической деятельности: «С 1925 г. по V.1926 г. – инструктор Троицкосавского (ныне – г. Кяхта. – *Л. З.*) айкома ВЛКСМ; с 1928–1930 г. зав. отделом Кяхтинского айкома ВКП(б); с мая 1933 г. по окт. 1934 г. – зам. начальника политотдела Кутуликской МТС Аларского района БМР, с IX.1934 г. по II.1936 г. – зав. сектором искусства Бур-Монг. института (культуры. – *Л. З.*) и по совместительству с II.1935 г. – отв. секретарь правления Бур-

Монг. Союза писателей». Дата – 6 мая 1937 г. Личная подпись отсутствует. Как видим, ни в анкете, ни в протоколе допроса (случайно или умышленно) не содержатся данные о том, что с 1 февраля по май 1936 г. Никита Иванович исполнял обязанности директора Бурятского педагогического института.

Протокол допроса содержит также два вопроса следователя и ответы на них арестованного. Вопрос: «Следствие располагает данными о том, что Вы состоите членом контрреволюционной панмонголистской, троцкистско-шпионской организации. Признаёте ли себя виновным?»

Ответ: «Виновным себя не признаю, членом контрреволюционной панмонголистской, троцкистско-шпионской организации не состоял».

Вопрос: «Вы лжёте. Следствие точно располагает данными, что вы состоите членом контрреволюционной панмонголистской организации и требует от Вас искреннего признания. Подтверждаете свою виновность?»

Ответ: «Категорически отрицаю свою вину. Членом контрреволюционной панмонголистской, троцкистско-шпионской организации я не состоял и не состою».

Подпись под протоколом: «Протокол записан с моих слов верно. Мною прочитан. Н. Занданов».

Скорее всего, первый допрос был направлен на предъявление конкретного обвинения в контрреволюционной деятельности. Это было необходимо сотрудникам НКВД для того, чтобы заставить человека поверить в свою виновность и давать такие показания, которые были им нужны. Всего в деле имеются протоколы трёх допросов.

Следующий допрос 29 июня 1937 г. был более длительным, его протокол занимает пять страниц [13, с. 9–14]. После зачтения биографических данных следователь задал Никите Ивановичу вопрос, за что он был исключён из ВКП(б), на что последовал ответ: «Парторганизации стало известно о том, что в 1926 г. я имел связь с троцкистами и за то, что я скрыл эти связи...»

Вопрос: «Почему Вы скрыли Ваши связи с троцкистами?»

Ответ: «Они были моими единомышленниками и я их не хотел разоблачать».

Вопрос: «Вам были известны политические настроения этих лиц и до последнего времени?»

Ответ: «Да, были известны».

Вопрос: «Когда и при каких обстоятельствах Вы установили с ними связь?»

Ответ: «В 1926 г. я проживал в улусе Заглик Боханского аймака. В этот же улус приехал из Москвы на каникулы студент КУТВ Халтанов Василий. По приезде в улус Халтанов проводил троцкистскую пропаганду, группируя вокруг себя молодёжь. Тогда-то им была создана троцкистская группа, к которой примкнул я и Занданов Арсентий (избач в улусе). В том же году я был призван в армию и утерял с ними связь. В 1931 г., когда я приехал на учёбу в Москву в Институт красной профессуры, я вошёл в троцкистскую организацию, существовавшую среди бурятского землячества в Москве. В руководство этой организации вошли: Архинчеев (имя и отчество не знаю, где-то тогда служил), Занданов Георгий Петрович и Аханянов Василий. Последние были оба студентами.

Находясь в непосредственной организационной связи с этими лицами, я по их заданию вёл контрреволюционную работу среди студентов, обрабатывая и вовлекая их в нашу организацию.

В 1933 г. я выехал на работу в Улан-Удэ. Годом раньше также выехали на работу в Улан-Удэ Занданов Г.П. и Аханянов Василий».

Вопрос: «По приезде в Улан-Удэ Вы связались с Зандановым и Аханяновым?»

Ответ: «Да, связался. Но спустя несколько дней я выехал в Аларский район к месту своей постоянной работы на должность зам.начальника политотдела Кутуликской МТС и в течение 1,5 года, до ноября 1934 г., организационной связи с ними не имел».

Вопрос: «Какую контрреволюционную работу вели Аханянов и Занданов в Улан-Удэ?»

Ответ: «Устроившись на работу в качестве педагога, Занданов вёл троцкистскую работу среди педагогов и учащихся Бурятии. Для этой цели связался с Яковлевым Степаном, который тогда руководил троцкистскими группами среди молодёжи Бурятии».

Вопрос: «Кто такой Яковлев?»

Ответ: «Яковлев Степан Еремеевич – студент агропединститута в Улан-Удэ. До этого работал на руководящей работе в Бур.-Монг. комитете ВЛКСМ».

Допрос продолжался далее в том же духе: вопрос – ответ, упоминались всё новые имена, якобы имеющие отношение к троцкистской, панмонголистской и шпионской организации, которые проводили работу среди молодёжи (Занданов и Яковлев), в области культуры (Аханянов – Институт культуры, Радна-Банзарон – директор этого института). Появились ещё новые фамилии: Базар Барадин, Ошир Дашидондобэ, Даши Мункин, Базар Чимид. На вопрос следователя «Где проводились нелегальные совещания панмонголистской организации?», последовал ответ: «Нелегальные совещания проводились непосредственно в Институте культуры, как правило, в кабинете Радна-Банзарова» (так в тексте. – Л. З.).

Далее идёт перечень вопросов, где Никита Иванович, по версии следователя, даёт искренние показания, а на самом деле он оговаривал себя и других. На вопрос «Кто присутствовал на этих совещаниях?», перечислены фамилии: Занданов Г.П., Радна-Банзарон, Аханянов, я – Занданов Н.И., Барадин Базар – зам. директора института, Шарабон Санжи – учёный секретарь, Убугунэ Александр – научный сотрудник по теории Бурятии, Балдаев Сергей – научный сотрудник по фольклору. Вскоре в протоколе допроса появляются новые имена: Егоров Виктор – научный сотрудник, Нацов – специалист по ламаизму, Дамбинов Петр – уполномоченный литфонда СССР, Батоцыренов – кандидат в члены Союза советских писателей, Базарон – учитель, Вампилон Баярто, Ванданов Мунко – зав. сектором. Все они якобы подтверждали в своих показаниях существование контрреволюционной организации.

В связи с «переходом» Никиты Ивановича в Буркавбригаду «с целью ведения подрывной работы среди военных» (а не мобилизации по решению обкома партии, как было на самом деле. – Л. З.), упоминаются фамилии и имена Лосова Логина – помощника командира полка по политчасти, Зимина – начальника штаба 12 полка, Балтуева – помощника начальника штаба, Халтаева Ромея, Андреева Ивана – секретаря комиссии партконтроля. Все эти люди стали такими же жертвами заго-

вора НКВД, обо всех (кроме Халтаева) сегодня рассказано на страницах книги В.С. Мильбаха [9].

Совершенно очевидно, что к Н.И. Занданову в период его нахождения в Иркутской тюрьме применялись меры физического воздействия, направленные на получение тех сведений, которые были необходимы на данном этапе. В последнем протоколе, составленном за несколько месяцев до суда и расстрела, совершенно чётко прослеживается присутствие той информации, которая оправдывала действия карательных органов, поскольку абсолютно сломленный физически человек мог поставить свою подпись под любыми «показаниями». 28 марта 1938 г. Никита Иванович ещё содержался в тюрьме, а М.Н. Ербанов был уже несколькими днями ранее расстрелян, но видимо, точку в деле было ставить ещё рано и его ещё раз вызвали на допрос. К стати, копии двух протоколов допроса Н.И. Занданова имеются в архиве УФСБ РФ по Республике Бурятия, видимо, они были сделаны и переданы в Улан-Удэ для того, чтобы использовать их в качестве доказательств по делам других обвиняемых [8].

Так, в протоколе допроса упор сделан на то, что Никита Иванович скрыл от следствия важные сведения, касающиеся деятельности панмонголистской организации. На вопрос: «В своих показаниях вы скрыли от следствия ряд обстоятельств из Вашей предательской контрреволюционной деятельности. Намерены ли вы сейчас давать исчерпывающие показания?» следует ответ: «Признаю, что давая показания о своём участии в националистической панмонголистской организации, я с целью сокрытия основных контрреволюционных кадров нашей организации, дал показания лишь об участниках, засевших в Институте культуры. В действительности существует в Бурятии широко разветвлённая контрреволюционная панмонголистская организация, руководимая партийно-советским руководством ВМ АССР. Упомянутый мною Яковлев держит контакт с Японией и подготавливает вооруженное восстание».

На вопрос: «Назовите всех известных Вам участников панмонголистской организации, которых Вы скрыли на первом допросе», якобы Н.И. Занданов приводит следующий список:

1. Ербанов М.Н. – секретарь Бурятского обкома ВКП(б).

2. Доржиев Дажуп Дансанович – председатель СНК БМ АССР.
3. Дампилон Ириято – председатель ЦИК БМР.
4. Маркизов Ардан – председатель Наркомзема республики.
5. Донгидон – бывший работник Наркомпроса.
6. Данилов Африкан Данилович – зам. председателя СНК республики.
7. Мункин Даши – бывший культпром обкома ВКП(б).
8. Дашидондобэ Ошир – бывший сотрудник Наркомпроса, инструктор обкома ВКП(б).
9. Ардин Доржи – бывший редактор газеты «Унэн», сотрудник Института культуры.
10. Намсараев Хоца – писатель.
11. Дондубон Цыден – бывший работник Наркомпроса, работает в Бурятском ГИЗе.
12. Догдомэ Цыбен – бывший секретарь обкома ВЛКСМ.
13. Дабаин Батор – бывший председатель БУРЦИК, учится в ИКП в Москве.
14. Тоглитов Бато-Далай – бывший зам. директора Института культуры, учится в ИКП.
15. Ринчино Эльбек-Доржи – один из идеологов панмонголизма, работает в Москве преподавателем в КУТВ.
16. Вампилон – ответственный секретарь комиссии партийного контроля по БМ АССР.
17. Хабаев – зав. сектором Бур.-Монг. обкома ВКП(б).

Этот список в следственном деле Н.И. Занданова, который уже целый год находился вдали от Улан-Удэ и не имел связи с «волей», практически совпадает со списком, приведённым в книге «Жертвы политических репрессий», что свидетельствует о тщательной разработке этого дела [2, с. 14–15]. Напротив фамилии Намсараева рукой Владимира Ивановича Занданова сделана надпись «Не был арестован».

Следующие страницы следственного дела № 5468, имеющиеся у нас в копии, – это обвинительное заключение, подготовленное для заседания выездной сессии Верховного суда СССР от июня 1937 г. Утверждено начальником Управления НКВД по Иркутской области старшим майором госбезопасности Малышевым, также впоследствии арестованным и расстрелянным за «участие в контрреволюционной организации» [11].

В обвинительном заключении Н.И. Занданову инкриминировалось сразу несколько преступлений по 58-ой статье: 58-1-б, 58-2, 58-2, 58-11 УК РСФСР. Вот текст этого обвинения, стилистику и орфографию которого мы сохранили: «В 1937 г. Управлением НКВД по Иркутской области вскрыта и ликвидирована среди бурят крупная буржуазно-националистическая панмонгольская шпионско-диверсионная, повстанческая организация. Следствием установлено, что панмонгольская организация была создана ещё в 1919 году, в период японской оккупации Забайкалья Разведовательным Отделом штаба квантунской армии. Идеологами и непосредственными создателями этой организации были агенты японской разведки: РИНЧИНО Эльбек-Доржи, профессор БАРАДИН Базар, ВАМПИЛОН Баяртон, САМПИЛОН Даши и др.

В 1919 году, при содействии японцев и атамана СЕМЁНОВА, при непосредственном участии названных агентов японской разведки, было создано так называемое «Даурское панмонгольское правительство», которое организовало активную борьбу против партизан и Красной армии. По окончании гражданской войны, агенты японской разведки РИНЧИНО и САМПИЛОН, по заданию разведки, выехали в Монгольскую Народную Республику, где сумели пробраться в ЦК МНРП и занять правительственные посты, создали центр организации и вели активную изменническую работу в пользу японцев. Другие – БАРАДИН, ВАМПИЛОН – приступили к организации контрреволюционной панмонгольской работы в Бурятии, опираясь на ламство, ноёнатство, кулаков и реакционно-националистическую интеллигенцию.

В 1920–1928 годах японцы, стремясь расширить базу панмонгольской организации, через своих агентов, проводили линию на вовлечение в организацию новых кадров и внедрению своей агентуры из панмонголистов в партию и руководящие посты Советского аппарата. В этот период времени создаётся центр организации, в который вошли: ЕРБАНОВ – 1-й секретарь Бур. Обкома ВКП(б), ДОРЖИЕВ – Пред. СНК БМАССР, ДАМПИЛОН – пред. ЦИК БМАССР, МУНКИН – зав. культ.-проп. Обкома ВКП(б) и другие.

Центр панмонгольской организации многочисленными нитями был связан с японскими разведовательными центрами,

в частности - разведовательным отделом штаба квантунской армии, японскими военными атташе в Москве и японскими консулами в Чите и Ленинграде. По указанию японцев, панмонгольский центр, в лице ЕРБАНОВА, установил блок с право-троцкистским центром в Москве, персонально с РЫКОВЫМ, БУХАРИНЫМ и руководителем право-троцкистской организации в Восточной Сибири – РАЗУМОВЫМ.

Панмонгольская организация, стремясь к свержению Советской власти, вела подготовку к вооруженному восстанию, которое должно было быть поднято с началом военных действий Японии против СССР. По прямым указаниям японских официальных представителей в СССР и Манчжурии, панмонгольская организация, занималась широкой разведательной-шпионской работой; диверсиями в области промышленности и транспорта, специально создав сети шпионских резидентур и диверсионных групп в промышленности, транспорте, оборонных стратегических объектах; вредительством в области животноводства и полеводства и насаждением повстанческих организаций во всех аймаках, районах Бурят-Монголии и Восточной Сибири.

Для практического руководства повстанческими и вредительскими организациями, центром панмонгольской организации были выделены специальные уполномоченные, которые непосредственно организовали контрреволюционную работу в аймаках и колхозах. Одним из активных участников контрреволюционной панмонголистской организации и агентом японской разведки является обвиняемый ЗАНДАНОВ Никита Иванович.

Обвиняемый ЗАНДАНОВ – кадровый троцкист с 1926 г. В панмонгольскую контрреволюционную организацию завербован в 1934 г. участниками организации АХАНИЯНЫМ и РАДНАБАЗАРНОМ.

Практическая контрреволюционная шпионско-диверсионная деятельность ЗАНДАНОВА выразилась в том, что:

1. В 1931 г., будучи студентом ИПК в Москве, вошёл в троцкистскую группу, существовавшую среди бурятского землячества. По заданию этой группы проводил активную контрреволюционную троцкистскую работу среди бурятского студенчества;

2. В 1934 г., через АХАНЯНОВА и РАДНАБАЗАРОНА установил организационную связь с центром панмонгольской контрреволюционной организации в лице ЕРБАНОВА и ДАМПИЛОН А (все арестованы). Работая в институте Культуры в Улан-Удэ, по заданию ЕРБАНОВА и ДАМПИЛОНА, проводил активную панмонгольскую вредительскую работу в области языка и терминологии: отрицал самостоятельность бурятского языка и добивался принятия за основу оформления нового литературного языка – халха-монгольского языка, насыщенного реакционно-буддийскими, феодально-теократическими словами, совершенно непонятными и недоступными коренному бурятскому населению;

3. В начале 1936 года, будучи назначен на должность зам. нач. политотдела Буркавбригады, центром панмонгольской организации в лице ЕРБАНОВА и ДАМПИЛОНА был выделен уполномоченным от центра по Буркавбригаде с задачей превращения бригады в вооруженный отряд панмонгольской организации и источник снабжения оружием и боеприпасами всех восставших контрреволюционных сил;

4. ЗАНДАНОВЫМ была оформлена панмонгольская повстанческая организация в бригаде с привлечением в неё националистически настроенных командиров и политработников во главе с секретарём бригадной партийной комиссии АНДРЕЕВЫМ, пом. ком. полка по политчасти – ЛОСОВЫМ, нач. штаба полка БАЛДЫНОВЫМ, инструктором политотдела бригады ХАЛТАЕВЫМ, нач. полковой школы МУНКИНЫМ и другими.

5. Организацию разбил на группы в частях бригады, с учётом захвата, к моменту восстания, всех командных и политических постов.

6. Сам лично и через своих участников организации занимался активной работой по линии распространения идей панмонголизма и вербовки новых участников из числа неустойчивых командиров, политработников и красноармейцев. С этой целью, в конце 1936 г., им – ЗАНДАНОВЫМ была создана бригадная партийная школа, в которую были вовлечены националистическо-настроенные политруки и партийно-комсомольские организаторы. Эта школа была очагом обработки партийно-комсомольской прослойки бригады в панмонгольском духе.

В этой школе, за счёт часов по истории ВКП(б) и Ленинизму, специально преподавалась лекция по истории Бурят-Монголии. В лекциях обосновывалась идея панмонголизма, лектором назначили ярого националиста – участника панмонгольской организации А...НОВА (неразборчиво. – Л. З.).

7. В результате панмонгольской пропаганды ЗАНДАНОВА, в бригаде были в значительной степени распространены националистические настроения среди бурятской части комсостава, доходившие до того, что на одном из собраний командного состава бригады, бурятская часть собрания откололась в особую группу, выдвинув свои обвинения против засилия русских.

8. По плану восстания и захвату власти в руки панмонгольской организации, Буркавбригада должна была стать центром всех вооруженных сил, захватив, в момент восстания: железно-дорожный узел, все трактовые и шоссейно-грунтовые дороги, с целью воспрепятствования продвижения воинских частей на подавление восстания на фронт; все правительственные учреждения; разоружить части Красной армии, оставшиеся верными Советской власти; захватить артиллерийские, авиационные, продовольственные и вещевые склады.

Исходя из этого плана, ЗАНДАНОВ занимался расстановкой сил командно-политического состава частей бригады и подготовкой к совершению ряда диверсионных актов как-то: вывода из строя Улан-Удэнского ПВЗ, Стекольного завода, Мясохлагокомбината и взрыв железно-дорожного моста через реку Селенгу.

9. По заданию ЕРБАНОВА передавал ему шпионские сведения: о дислокации частей Забайкальского военного округа; о вооружении частей; технической оснащенности; о состоянии авиации и др.

Привлечённый к ответственности обвиняемый ЗАНДАНОВ в предъявленном ему обвинении **ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПРИЗНАЛ ПОЛНОСТЬЮ.**

Кроме того, его преступная деятельность подтверждается в показаниях обвиняемых:

ДАНИЛОВА Африкана (л.д. _____)
ДОРЖИЕВА Д. (л.д. _____)
ДАМПИЛОН А И. (л.д. _____)
ГОЛОВА ЧЁВА (л.д. _____)

АРДИНА (л.д. _____)
и других».

Далее в тексте указано, что, на основании вышеизложенного, Н.И. Занданов обвиняется во всех ранее перечисленных преступлениях, которые квалифицировались пятью пунктами 58-ой статьи, и его дело подлежит рассмотрению на Военной коллегии Верховного суда СССР с применением закона от 1 декабря 1934 г. Очевидно, сведения о нём были отправлены в Москву и его имя было включено в список лиц, подлежащих суду Военной коллегии [17]. В этом обвинении впервые появились сведения о том, что жена Никиты Ивановича, Елизавета Викентьевна, «осуждена как участница панмонгольской организации».

Протокол закрытого судебного заседания выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР (стр. 113) не содержит ничего нового в плане обвинения. Важным является то, что на вопрос председательствующего, признаёт ли он себя виновным в предъявленных ему обвинениях Н.И. Занданов якобы ответил, что виновным себя признаёт и свои показания на предварительном следствии он подтверждает полностью. В последнем слове он просил сохранить ему жизнь, после чего суд удалился на совещание. В протоколе указано время продолжительности заседания – 15 минут, в то время как из других следственных дел видно, что в основном заседания подобного рода длились не более 10 минут.

На 114-ой странице – приговор Военной коллегии Верховного суда Союза ССР, датированный 4 июня 1938 г. От имени Союза Советских Социалистических Республик выездная сессия Военной коллегии Верховного Суда СССР «приговорила Занданова Никиту Ивановича к высшей мере уголовного наказания – расстрелу, с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества.

Приговор окончательный и на основании постановления ЦИК СССР от 1.XII.34 года подлежит немедленному исполнению. Председательствующий Никитченко».

После XX съезда КПСС были пересмотрены материалы следственных дел по сфабрикованным «заговорам». Как стало известно позднее, 4 января 1957 г. было сделано Заключение

Главного военного прокурора по делу М.Н. Ербанова, в котором констатировалось: «Приведённые материалы свидетельствуют о том, что на территории МНР и БМ АССР никакой антисоветской панмонгольской организации не существовало, а дела её участников фальсифицированы бывшими работниками НКВД СССР и БМ АССР». [2, с. 17]. В отношении дела М. Ербанова в Заключении было отмечено, что оно основано только на его личных показаниях. Очевидно, то же самое можно сказать и о деле Н. Занданова.

Как было видно из свидетельства о смерти Никиты Ивановича, полученного В.И. Зандановым по его запросу в 1956 г., Занданов Н. И. скончался 13 апреля 1939 г., причина смерти – «неизвестно», в то время как на странице 115 следственного дела № 5468 в Определении военной коллегии Верховного Суда СССР имеется выписка из акта, в которой сказано, что приговор выездной коллегии Верховсуда в отношении Занданова Н.И. приведен в исполнение 23 июня 1938 г., в связи с чем его брату в августе 1989 г. было выдано новое свидетельство о смерти Никиты Ивановича.

Несмотря на сокрытие подлинной причины смерти и даты расстрела, всё же дело Н.И. Занданова было пересмотрено в мае 1957 г., о чём свидетельствует имеющийся в деле документ – очередное определение военной коллегии Верховного суда СССР (стр. 117), в котором указано, что «дополнительной проверкой настоящего дела в 1956 г. установлены новые, ранее суду неизвестные обстоятельства, которые свидетельствуют о том, что Занданов был осуждён необоснованно, по ложному обвинению, в связи с этим ставится вопрос о его реабилитации». После того, как коллегия определила: приговор военной коллегии от 4 июня 1938 г. отменить, начался процесс его первой реабилитации. С Никиты Ивановича были сняты все обвинения, а его жене, отбывшей 10 лет в лагерях и ставшей инвалидом, была выплачена денежная компенсация за утраченное имущество.

Однако настоящая реабилитация жертв этого заговора состоялась только спустя тридцать лет, когда в январе 1992 г. Управление Министерства Безопасности РФ по Иркутской области сообщило администрации Усть-Ордынского национального округа о том, что в архиве их ведомства обнаружена

справка за 1937 г. о «ликвидации УНКВД Иркутской области пан-монгольской, диверсионно-шпионской и повстанческой контрреволюционной организации», согласно которой только в 1937 г. было арестовано 1119 человек [2, с. 14–15].

Никита Иванович Занданов был одним из них.

Список литературы и источников

Литература

1. Базаров Б.В., Намнанов Д.Д. Национальные формирования Красной Армии в Бурятии в 1920–1930-х гг. Улан-Удэ, 2000. С. 119, 155, 169.
2. Боханов П.П. Трагическая судьба народов (национальная политика сталинизма) // Жертвы политических репрессий Иркутской области: память и предупреждение будущему. Т. 3. Иркутск, 2000. С. 14–15.
3. Занданов В. С болью о прошлом // Шелеховский вестник. 1997. 29 июля.
4. Иркутская летопись. 1661–1940 гг. / Составитель, автор предисловия и примечаний Ю.П. Колмаков. Иркутск, 2003. С. 635–664.
5. Иркутский край. Четыре века. История Иркутской губернии (области). XVII–XX вв. Иркутск, 2012. С. 520–523.
6. Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2010. Т. 1. С. 21; Т. 3. С. 383.
7. Календарь знаменательных дат на 2004 г. по Усть-Ордынскому БАО. Усть-Орда, 2004.
8. Калмыков С.В., Пыкин В.М. Бурятский педагогический институт. Ректоры. Улан-Удэ, 1998. С. 21–24.
9. Мильбах В.С. Политические репрессии командно-начальствующего состава. 1937–1938. Забайкальский военный округ и 57-й особый стрелковый корпус. СПб., 2014. С. 52, 296, 349.
10. Никита Иванович Занданов // Библиографический словарь репрессированных писателей Бурятии. Улан-Удэ, 1996. С. 56–63.
11. Семёнов А. По следам «панмонголистов» // Восточно-Сибирская правда. 1992. 14 марта.
12. Советский энциклопедический словарь. М., 1984.

Источники

13. Следственное дело № 5468 по обвинению Занданова Никиты Ивановича // Архив УФСБ РФ по Иркутской области (копия – личный архив автора).
14. Жертвы политических репрессий Иркутской области: память и предупреждение будущему. Т. 3. Иркутск, 2000. С. 246–248.
15. Документы и фотографии из личного архива автора.
16. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1992. № 2–12; 1993. № 2, 5–10; 1994. № 1, 2, 6, 8, 12; 1995, № 1, 2.
17. АП РФ. Оп. 24. Д. 417. Л. 130: Список лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР от 10 июня 1938 года по Иркутской области // stalin.memo.ru/spiski/pg09130.htm

Примечания

Институт красной профессуры (1921–1930 г.) – высшее учебное заведение, готовившее преподавателей общественных наук, центральных партийных и государственных органов. В 1931 г. поделён на несколько институтов [12, с. 493].

Буркавбригада – в 1926 г. на территории БМ АССР (ст. Дивизионная Забайкальской железной дороги) была сформирована как первая национальная воинская часть – Буркавэскадрон. В 1927 г. преобразован в дивизион, затем – в полк. С 1936 г. – Буркавбригада [1, с. 84, 104, 123].

Панмонголизм – движение за национальное самоопределение, возрождение монгольских народов, за создание самостоятельного государственного образования. В 1937–1938 гг. в ходе «Большого террора» сфабриковано дело «о панмонголистской организации», по которому было расстреляно более двух тысяч человек [6, с. 576–577].

КУТВ – Коммунистический университет трудящихся Востока (1921–1930) [12, с. 612].

Агропедагогический институт – название Бурятского педагогического института в 1931 г. [8, с. 12].

УДК 929.5

С.П. Звягин, Е.Э. Шергалин

Начальник Главного управления мест заключения Министерства юстиции Российской империи и Российского правительства П.К. Гран: попытка реконструкции родословной

S.P. Zvyagin, E.E. Shergalin

The head of the Main administration of places of detention of the Ministries of justice of the Russian empire and the Russian government P.K. Gran: attempt the reconstruction of the pedigree

В современной российской историографии появилось много работ, посвященных биографиям видных деятелей антибольшевистских правительств на территории Сибири в годы Гражданской войны. Не стал исключением и П.К. Гран. Несколько лет в начале XX в. он был губернатором Иркутской и Томской губерний, затем в 1913–1917, 1919 гг. возглавлял Главное